

Цзян Мэйшэн с облегчением перевёл дух.

И что только нашло на этого Фу Юйчжэня? Неужели нельзя было вести себя как прежде? Словно вожжа под хвост попала — перепугал до чёртиков.

Он набрал номер Цзян Юйшэн и, немного подождав, поехал забирать сестру, чтобы вместе отправиться домой.

Едва сев в машину, Юйшэн взволнованно зашебетала:

— Брат, помнишь Учителя Сяо с нашего факультета? Её муж преподаёт в Яньмэй, и у него, оказывается, есть папина картина!

После гибели родителей брат с сестрой поклялись постепенно выкупить все его работы. Лишь когда отцовские полотна займут свои места рядом с мамиными фотографиями, их дом снова станет по-настоящему целым.

Деньги у них водились, но согласится ли профессор Яньцзинской академии изящных искусств расстаться со своим сокровищем? Это оставалось главным вопросом. Но попытаться стоило, и Мэйшэн решил испытать удачу.

Благо впереди были выходные. В субботу утром Мэйшэн отвёз сестру на занятия, а сам направился в кампус Яньмэй. Его отец когда-то окончил эту академию, да и сам Мэйшэн после школы должен был поступить именно сюда.

Всё изменилось в выпускном классе. Известие о том, что Цюй Чжи уезжает за границу, застало его врасплох. Отец, заметив подавленное состояние сына, вызвал его на откровенный разговор. Именно тогда Мэйшэн впервые заглянул в глубины собственной души и понял: его паника и растерянность объяснялись не просто страхом остаться без человека, чьё присутствие облегчало его загадочный недуг. Он банально не желал отпускать Цюй Чжи — друга детства, к которому давно питал далеко не дружеские чувства.

Отец наверняка догадался об этих странных, выходящих за рамки обычной дружбы чувствах, но не стал читать нотаций. Он просто молча помог сыну оформить документы, а затем всей семьёй — вместе с матерью и Юйшэн — проводил его до самолёта.

Оглядываясь назад, Мэйшэн понимал: четыре года на чужбине были лишь бессмысленной, жалкой попыткой угнаться за тенью Цюй Чжи. Поступи он тогда в Яньмэй, эти годы принадлежали бы родителям. И сейчас на сердце не лежало бы столь тяжкое бремя невосполнимой утраты.

Припарковав машину, Мэйшэн решил немного прогуляться по кампусу. Как нарочно, сегодня там проходила выставка живописи и каллиграфии. Сблазн зайти был велик, но дела не ждали — сперва нужно было встретиться с профессором.

Тот уже знал о его визите и радушно принял гостя у себя дома. Профессор Чжао издавна восхищался творчеством Цзян Хунтао и его сына, а потому сразу же с искренним сочувствием поинтересовался, почему Мэйшэн забросил живопись.

Пришлось признаться во всём как есть:

— Начались психологические проблемы. Стоит взять в руки кисть, как накатывает паника, кружится голова и начинается тошнота. Ни один врач так и не смог помочь.

Услышав это, профессор Чжао лишь с сожалением покачал головой.

Но стоило Мэйшэну заговорить о покупке картины, как лицо хозяина дома помрачнело. Понимая, что после смерти отца цены на его работы взлетели до небес, Мэйшэн поспешил заверить, что готов заплатить любую сумму.

— Дело вовсе не в деньгах, — вздохнул профессор Чжао. — С этим полотном связано слишком много личного. Оно хранит тепло ушедших лет.

Выяснилось, что Чжао тоже окончил Яньмэй. Цзян Хунтао заметил, как заворожённо тот разглядывает картину, и просто подарил её коллеге. Позже, в самые голодные годы, когда молодой семье едва хватало на хлеб, профессору пришлось продать холст. Однако жена, не колеблясь, тайком разыскала покупателя и на последние сбережения выкупила картину назад.

Спустя годы беда пришла снова: у тестя случился инсульт, потребовалась срочная дорогостоящая операция. Живопись опять пришлось обменять на лекарства. Но супруга Чжао целый год брала бесконечные подработки, занималась репетиторством и на заработанные гроши вновь вернула семейную реликвию в дом.

Эта картина впитала в себя историю их семьи, став символом супружеской верности и преодоления невзгод. Требовать её продажи теперь казалось кощунством. Смирившись, Мэйшэн лишь тихо попросил:

— Профессор, могу я хотя бы сфотографировать её на память?

На это Чжао согласился без колебаний. Он ушёл в мастерскую и вскоре вернулся с аккуратно оформленным полотном. Работа была в идеальном состоянии, а в правом нижнем углу красовался знакомый оттиск отцовской печати. Было видно, что к картине относились как к святыне.

Сделав несколько снимков, Мэйшэн мысленно вздохнул. Подобные неудачи случались не впервые. Когда коллекционеры наотрез отказывались продавать оригиналы, он распечатывал качественные копии, вставлял их в рамы и вешал в своей студии — так отец хотя бы незримо оставался рядом.

Профессор Чжао радушно вызвался проводить гостя. По пути они завязали непринуждённый разговор и решили вместе заглянуть на ту самую выставку в главном корпусе.

На душе у Мэйшэна было тоскливо из-за сорвавшейся сделки. Бродя среди выставочных стендов на первом этаже, он неожиданно столкнулся с Хуан Чжушэном — старым отцовским приятелем, чьё имя тоже весило немало в кругах художников. С тех пор как отца не стало, они почти не общались.

Хуан Чжушэн увлечённо что-то обсуждал со своими спутниками. Мэйшэн, не желая навязываться, лишь вежливо поздоровался, обменялся парой общих фраз и, попрощавшись с профессором Чжао, тихонько направился к выходу.

Тем временем на втором этаже Линь Юйбай в сопровождении Директора Вана и ещё одного сотрудника как раз входил в двери четвертого выставочного зала.

— Долетел до нас слух, доктор Линь, что вы интересуетесь наследием покойного мастера Цзяна, — в голосе директора Вана сквозило глубокое почтение. — Какое совпадение! Наша академия как раз на днях получила одну из его ранних работ. Я просто не мог не пригласить вас взглянуть лично.

На стене висел небольшой свиток, выполненный тушью. На нём был изображён упитанный, лохматый кот, который уморительно завалился в заросли диких цветов, тщетно пытаясь поймать порхающих бабочек. Кот выглядел настолько круглым и милительным, что Линь Юйбай невольно улыбнулся.

В правом нижнем углу красовалось несколько личных печатей, одна из которых была вырезана в форме цветка сливы. Рядом изящным каллиграфическим почерком было выведено: * «Создано Мэйшэном в возрасте девяти лет»*.

Линь Юйбай тихо рассмеялся:

— Директор Ван, вы сказали, что это ранняя работа мастера Цзяна. Что ж, вынужден согласиться — куда уж раньше.

— Неужели не пришлась по душе, доктор Линь? — занервничал директор.

— Напротив, она очаровательна. Рисунки Цзян Мэйшэна, сделанные им в столь нежном возрасте, — настоящая редкость.

Директор Ван с облегчением выдохнул:

— И то верно, редчайшая находка!

По его знаку смотритель бережно снял картину и упаковал её. Юйбай сразу же перевёл

нужную сумму на счёт академии и, забрав приобретение, направился к выходу в сопровождении сияющего директора Вана.

Спускаясь по лестнице, он мимолётно бросил взгляд в панорамное окно и вдруг замер. На улице, у самых ворот, мелькнул до боли знакомый понурый силуэт.

Сердце пропустило удар. Линь Юйбай, позабыв о приличиях, бросился вниз по ступеням и выбежал на площадь перед корпусом, но толпа студентов уже успела поглотить загадочного прохожего.

— Доктор Линь! Что-то случилось? — запыхавшись, нагнал его директор Ван.

Юйбай стоял, растерянно озираясь по сторонам, и тихо произнёс:

— Мне показалось... я только что видел Цзян Мэйшэна.

Директор Ван удивленно вскинул брови, но не успел вставить и слова, как со стороны к ним подошёл мужчина средних лет в строгих очках.

— Простите, вы ведь доктор Линь? — нерешительно окликнул он гостя.

Юйбай обернулся:

— Да, это я. А вы?..

Директор Ван тут же расплылся в улыбке и поспешил представить незнакомца:

— Познакомьтесь, это наш уважаемый профессор Чжао. Доктор Линь, он ваш преданный поклонник! Прожужжал нам все уши о том, какие выдающиеся умы рождаются на нашей земле.

Линь Юйбай вежливо улыбнулся и протянул руку для приветствия.

— Достижения доктора Линя столь велики, что о них знают даже бесконечно далёкие от науки люди, — искренне тепло произнёс профессор Чжао. — У моей супруги жуткая лактозная непереносимость, и только разработанный вами препарат спас её пищеварение. Если не секрет, над чем вы трудитесь сейчас?

— Детский острый лейкоз.

В ходе дальнейшего разговора выяснилось, что Линь Юйбай приехал в академию ради покупки картины. Узнав об этом, Чжао изумленно охнул и тут же поведал о недавнем визите Цзян Мэйшэна.

Тем временем Мэйшэн уже сидел за рулём. Он несколько минут просто смотрел на лобовое стекло, собираясь с мыслями, после чего завёл двигатель. Но стоило ему тронуться с места, как телефон зазвонил. На экране высветилось имя профессора Чжао, который взволнованным голосом попросил его немедленно вернуться.

Уловив в голосе пожилого преподавателя обнадеживающие нотки, Мэйшэн без колебаний развернул машину. Профессор ждал его на пороге. И действительно — лёд тронулся. Он согласился уступить драгоценное полотно покойного мастера Цзян Хунтао.

Оформляя сделку, Мэйшэн не удержался от вопроса:

— Профессор Чжао, простите за любопытство... Но почему вы передумали?

Чжао заговорщически улыбнулся:

— Скажем так, один хороший друг вашей семьи узнал о ваших поисках и замолвил за вас словечко.

«Друг отца? Неужели это старый мастер Хуан Чжушэн решил помочь?»

Едва счастливый Мэйшэн с картиной под мышкой переступил порог, Чжао схватился за телефон и набрал супруге, которая преподавала в Яньцзинском педагогическом университете:

— Дорогая! Помнишь, твоё руководство всё пыталось заманить к себе с лекциями доктора Линя? Угадай, с кем я сегодня пил чай! Он признался, что давно восхищается моими работами. Стоило мне вскользь упомянуть твой университет, как он тут же дал согласие приехать!

Жена на том конце провода безжалостно осадила хвастуна:

— Восхищается твоими работами? Лао Чжао, поумерь фантазию и не смей шутить с моей работой!

Разоблачённый профессор смущённо кашлянул:

— Ладно-ладно, раскусила. На самом деле я просто оказал ему одну небольшую услугу, а он взамен пообещал выступить у вас. Но насчёт лекции — всё чистая правда, клянусь!

Провожая взглядом удаляющийся представительский автомобиль Линь Юйбая, один из стоявших рядом с директором Ваном сотрудников не удержался от комментария:

— А этот доктор Линь действительно фигура крупного калибра. Лао Чжао ведь дорожил той картиной как зеницей ока, а стоило доктору попросить — сдался без боя.

— Молодость обманчива, — многозначительно протянул директор Ван. — За плечами этого парня столько открытий, что его будущее расписано на десятилетия вперёд. Лучшие западные лаборатории засыпали его приглашениями на должности ведущих исследователей, а он всё

отклонил и вернулся на родину. Талантливый, принципиальный, гордый — от таких людей все в восторге.

Слушавший его коллега проникся глубоким уважением. Они не торопясь пошли обратно в корпус.

— Его наставником был сам старец Цзян, — продолжал директор Ван. — У них на кафедре что ни имя, то легенда. Обыватели думают, что учёные только и делают, что сидят взаперти в своих лабораториях, но на деле связи у этих людей ведут на самые вершины власти...

Линь Юйбай вёз своё приобретение бережно, словно хрустальную вазу. Дома он сразу же прошёл в кабинет и открыл потайную дверцу встроенного шкафа. Внутри, на специально оборудованных полках, покоилось около десятка свитков разного размера. На каждом из них, рядом с подписью автора, алел маленький оттиск в форме цветка сливы.

Юйбай ещё раз развернул уморительного кота с бабочками. Тёплая улыбка коснулась его губ. Полюбовавшись детским рисунком Мэйшэна, он аккуратно обернул шёлком свиток и убрал его к остальной коллекции.

Мэйшэн как раз вешал обретенное отцовское полотно на стену своей мастерской, когда зазвонил телефон. На экране высветилось имя Минь Хао.

Но приятель звонил не ради дружеской болтовни, его голос так и сочился тоской:

— Мэйшэн, беда у меня. Все заказы как отрезало, ни одного предложения за неделю! Я поспрашивал через знакомых, а мне намекают, мол, дорогу кому-то перешёл. Я всю голову сломал и думаю... уж не господин Цюй тут замешан? Братуха, выручай, разузнай у него потихому, а?

После той нелепой встречи у ночных лотков они больше не общались. Мэйшэн не имел бы ничего против обычного ужина с давним другом, но высокомерное поведение Цюй Чжи, который делал вид, будто между ними никогда не пробежало чёрной кошки, его откровенно задело. Да с какой стати тот вообще взял на себя смелость отчитывать его за ужин с Минь Хао и добавление в друзья в соцсетях? Где Цюй Чжи, а где право контролировать его личную жизнь? Это выглядело нелепо.

Всю неделю Мэйшэн откровенно игнорировал назойливого друга детства, устроив ему «холодный душ». Однако, раз уж под удар попал ни в чём не повинный Минь Хао, выбора не оставалось — придётся прояснить ситуацию.

Взяв у сестры номер аккаунта Цюй Чжи в «Диньдоне», Мэйшэн отправил запрос на добавление. Ответ пришёл лишь через полчаса — тот вальяжно одобрил заявку, но сам писать не спешил.

Мэйшэн мысленно усмехнулся. В своём репертуаре: гордость и капризы превыше всего, характер ни капли не изменился. Он набрал короткое сообщение:

— Не хочешь сегодня поужинать?

Ответ прилетел почти сразу:

— Сегодня я занят.

Мэйшэн:

— Ладно, тогда в другой раз. Пойду поищу компанию на вечер.

Цюй Чжи:

— И с кем же ты собрался встречаться? Опять с этим Минь Хао?

Мэйшэн мысленно перебрал список знакомых красавцев. Привлекательных парней вокруг крутилось немало, да только позвать на ужин было особо некого. Фу Юйчжэнь после своей неудавшейся попытки поцелуя затаил обиду и не подавал признаков жизни — небось, до сих пор дуется. Симпатичный официант из ресторанчика кантонской кухни уволился. Доктор Линь, конечно, был настолько хорош собой, что один его вид мог заменить изысканную приправу к любому блюду, но посягать на эту недосягаемую вершину науки Мэйшэн не решался — даже аккаунт в сети добавить постеснялся... Выходило, что кроме Минь Хао составить компанию действительно некому. Однако отчитываться перед Цюй Чжи он не собирался.

Мэйшэн:

— Занимайся своими делами. Как освободишься, дай знать.

Прошло несколько минут, прежде чем на экране высветился адрес ресторана и лаконичная приписка: «Сегодня в семь вечера».

Мэйшэн покачал головой и хотел было набрать: «Надо же, как быстро у тебя закончились дела». Но, поразмыслив, стёр язвительную фразу. С Цюй Чжи станется обидеться в пух и прах и отменить встречу, а Мэйшэну позарез нужно было решить вопрос с работой для Минь Хао.

Зная вечную привычку друга опаздывать, Мэйшэн решил не спешить. Он засиделся за рукописью и вышел из дома только в без четверти семь. Когда он переступил порог ресторана, стрелки часов показывали десять минут восьмого. Назвав имя, Мэйшэн проследовал за администратором в отдельный кабинет и замер на пороге от удивления — Цюй Чжи уже сидел там. От нечего делать тот лениво перелистывал лежавшую на столике мангу «Иллюстрированное руководство по запечатыванию демонов», которую заведение держало для развлечения гостей.

На Цюй Чжи была шёлковая блуза благородного молочно-белого оттенка с пышным бантом на вороте. Чёрные как смоль волосы обрамляли лицо элегантной стрижкой в стиле «химе». Столь экстравагантный и даже вызывающий образ на ком угодно другом смотрелся бы нелепо, но безупречные, утончённые черты лица Цюй Чжи делали его невероятно гармоничным. Этот парень чертовски хорошо знал свои сильные стороны и умел подчеркнуть их с истинно художественным шиком.

Обнаружив, что Мэйшэн опоздал, Цюй Чжи ожидаемо надулся. Он с тихим стуком захлопнул книгу и недовольно процедил:

— Почему так поздно?

Мэйшэн лишь примирительно улыбнулся:

— Прости-прости. Просто не ожидал, что ты явишься вовремя. Раньше тебя всегда приходилось ждать минут по пятнадцать.

В былые времена Цюй Чжи действительно славился своей непунктуальностью. Из десяти встреч он опаздывал как минимум на восемь. Когда Мэйшэн однажды мягко попенял ему на это, тот лишь беззаботно отмахнулся: «Раз ты знаешь, что я задержусь, почему бы тебе самому не приходить попозже?»

Совет был практичным, но Мэйшэн никогда так не поступал. Перед каждым выходом из дома в его голове робко теплилась надежда: «А вдруг в этот раз он придёт вовремя?» Мэйшэн до ужаса боялся, что если опоздает сам, то заставит Цюй Чжи томиться в одиночестве. Ожидание — штука горькая, и он искренне оберегал друга от этого чувства. Но теперь всё это осталось в прошлом. Больше его это не заботило.

При этих словах Цюй Чжи заметно вздрогнул. Его маска надменного безразличия на мгновение дала трещину, и он тихо, едва слышно проронил:

— Больше я не заставлю тебя ждать.

<http://bllate.org/book/19840/2001150>